

Р. Р. Садиков

**НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРЕХ РЕЛИГИЙ:
КЕРЕМЕТ, МЕЧЕТЬ И ЦЕРКОВЬ
В ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ УДМУРТСКОГО СЕЛЕНИЯ**

В статье на основе архивных и опубликованных источников рассмотрена конфессиональная история жителей с. Большой Гондырь Куединского р-на Пермского края – административного, культурного и культового центра закамских удмуртов. Поселение было основано удмуртами во вт. пол. XVII столетия. В конфессиональном плане оно было населено язычниками. Одним из важнейших почитаемых культовых объектов была священная роща керемет. В кон. XIX – нач. XX вв. некоторые жители, в основном зажиточные крестьяне, приняли мусульманскую религию. Исламизация удмуртов вызвала ответные действия пермских православных миссионеров, которые построили здесь церковь. Но это только усилило процесс исламизации, в результате которого была открыта мечеть и часть удмуртов, фактически являвшихся мусульманами, официально перешли в ислам и стали считать себя башкирами. Конфессиональное противоборство в регионе нашло яркое отражение в архивных документах и прессе того времени.

Ключевые слова: удмурты, язычество, ислам, православие, керемет, мечеть, церковь, Пермская губерния.

В конфессиональной истории удмуртского народа кон. XIX – нач. XX в. представляет яркий и насыщенный событиями период. Особенно это касается так называемых удмуртов-язычников*, основной анклав которых сохранился к тому времени в Уфимской и Пермской губерниях. Удмурты-язычники оказались на «поле брани» за их души между православными священниками и мусульманскими муллами. От удмуртского общества, основное ядро которого все же оставалось языческим, отделилась небольшая, но очень влиятельная часть, примкнувшая к исламу. В усиление противоборства внесла свою лепту православная церковь, всеми возможными способами стремившаяся привести к «святому крещению»

* Условные термины «язычество» и «язычник» используются здесь без предвзятого смысла для обозначения традиционной религии удмуртов и его последователей, так как в российском религиоведении до сих пор не выработано адекватное понятие для обозначения подобных религиозных систем.

Жители с. Большой Гондырь, одетые в татарском стиле. Начало XX в. Большегондырский сельский краеведческий музей.

как можно больше «младенцев в вере», то есть язычников, и этим во многом способствовала их исламизации. Религиозное противоборство среди удмуртов отразилось даже на страницах центральных изданий того времени [1], не говоря о многочисленных публикациях в местной прессе.

Одним из центров подобного этноконфессионального противостояния, проявившегося в наиболее яркой форме, стало старинное селение Большой Гондырь Осинского уезда Пермской губ. – административный, культурный и культовый центр местных удмуртов-язычников*. Хронология и суть этого процесса отразились во многих церковных публикациях [2, 3, 4, 5], документы отложились в фондах Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД (Ф. 821) Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) и Оренбургского Магометанского Духовного собрания (Ф. И-295) Центрального исторического архива Республики Башкортостан

(Уфа). Документы и публикации освещают процесс исламизации удмуртов села и противодействие этому православной церкви. Религиозно-нравственное состояние удмуртов, придерживавшихся традиционных верований, показано в сочинении Н. И. Тезякова [6], служившего земским врачом и имевшего возможность вести среди них свои этнографические наблюдения. Исламизации удмуртов-язычников в кон. XIX в. на примере населения Большого Гондыря посвящена статья американского исследователя П. Верта [7], основанная на документах РГИА и опубликованных источниках**. На примере локальных событий рассмотрен процесс противостояния ислама и православия на конфессиональном пространстве царской России кон. XIX в. в вопросах миссионерской деятельности среди «инородцев-язычников», рассмотрены причины перехода удмуртов в ислам.

В нашей работе, написанной с привлечением вновь выявленных архивных и опубликованных источников, затронуты проблемы взаимоотношений

* Ныне с. Большой Гондырь Куединского р-на Пермского края.

** Недавно опубликован перевод статьи: *Верта П.* Категории управления, православное вмешательство и переход в ислам в языческой удмуртской деревне, 1870–1890-е годы // От племени к этносу (Этнография в Русском географическом обществе): Сб. статей. Вып. 2. Уфа. 2015. С. 83–134.

представителей трех этноконфессиональных групп (язычники, мусульмане, православные), обусловленные конфессиональной политикой и внутренним состоянием удмуртского общества того времени.

Большой Гондырь был основан удмуртами во вт. пол. XVII столетия. Удмурты поселились на земле, арендованной у башкир Уранской волости, по договору о припуске 7181 (1673) г. [8. С. 138; 9. Л. 52]. За пользование землей они должны были платить оброк башкирам и ясак в казну. 1673 г. датируется также первое известие об уплате ясака в «государеву казну»*. В декабре 7192 (1684) г. жители Осинской дороги Уфимского уезда «ясашные чуваша и черемиса и горные татаровя и вотяки» подали челобитную уфимскому воеводе князю Д. А. Барятинскому с просьбой об освобождении от уплаты ясака, так как «в прошлом 190 году от воинских людей и от калмык и от изменников башкирцов разорены до конца, у многих жены и дети пойманы в полон, а иные побиты и юрты и хлеб в гумнах пожжены и на полях несжатой вытопчен» [9. Л. 167]. В ответ на челобитье, ясашные крестьяне получили грамоту об освобождении на год от ясака. Указом из Уфимской провинциальной канцелярии от 31 декабря 1737 г. вотяки Осинской дороги были навсегда освобождены от уплаты оброка башкирам [9. Л. 169]. По архивным документам поселение удмуртов «по первому заселению называлась Андреевой, а потом по речке Быргину Быргиневой» [9. Л. 166]. В ревизских сказках I (1722 г.) народной ревизии поселение отмечено как д. Кондыревы, что на реке Быргынды, где проживало 78 мужчин-вотьяков [10. Л. 251, 447]. В материалах II (1747 г.) народной ревизии показано, что в д. Кондыревой на речке Быргынде проживает 134 вотяка [11. Л. 740].

В преданиях об основании селений удмуртов Куединского р-на сообщается, что они переселились сюда, спасаясь от крещения [12. Л. 86, 88]. Таким образом, жителями поселения были удмурты-язычники, сохранившие свою традиционную религию.

Язычники. В Большом Гондыре проживали представители трех родов-воршудов: Можга, Чудья и Жикья. Каждый род имел свое святилище *куала*, где устраивались моления [12. Л. 73]. Поселение было культовым центром: в роще, расположенной в окрестностях, жители соседних деревень устраивали летнее (*гужем вӧсь*) и зимнее (*тол вӧсь*) моления, которые еще назывались *бадӱым вӧсь* (великое моление) [12. Л. 79]. Жители Большого Гондыря вне зависимости от родовой принадлежности совместно с удмуртами окрестных Малого и Верхнего Гондырей устраивали моления в священной роще *Керемет / Луд* [12. Л. 73]. В этой роще, расположенной на юго-западной окраине поселения, раз в год летом молилось мужское население этих деревень. Для умиловления божества *Лудкузё / Кереметкузё* (Хозяин Луда / Керемета), который в случае непочтительного отношения к себе мог наслать болезни, приносили в жертву домашних животных-самцов (коней, баранов, гусаков) [13. С. 114–117]. Как

* В квитанции отмечено, что 11 декабря 7181 (1673) г. в Уфе подъячие приказной избы Андрей Халтурин и Онтон Шелаумов взяли в «Государеву казну Осинские дороги деревни Быргин на Бую на вотеке на Андрюшке Удекове на нынешний на 181 год бобыльских две куницы» [9. Л. 171]. Выражаю признательность д. и. н. А. В. Черных за предоставленные из Государственного архива Пермского края архивные выписки, касающиеся истории удмуртских деревень Куединского р-на Пермского края.

отмечает Н. И. Тезяков, «Вотyak всякую беду не только в его семье, но и в обществе приписывает гневу этого страшного духа, и потому во всех таких случаях старается его умиловить жертвами и молитвами» [14. С. 6].

По описанию этнографа В. П. Налимова, побывавшего здесь в 1926 г. во время экспедиции, священная роща «из нескольких старых сосен» была огорожена полевой изгородью. Внутри ограды имелась довольно большая куала обычного типа, то есть деревянная постройка с самцовой крышей, земляным полом и без потолка. Внутри нее не было никакой мебели и даже очага, который располагался снаружи около больших сосен [15. S. 212–213]. Таким образом, роща Луд / Керемет в Большом Гондыре представляла собой огороженный участок, где росли сосны, внутри стояла *луд / куала* – постройка, где хранились ритуальные принадлежности. По сведениям информаторов, в Керемете росли три большие ели. Место моления было огорожено жердями. Внутри нее стояла куала – строение без пола, с потолком, с 1–2 окошками, крытое тесом [12. Л. 79].

В кон. XIX – нач. XX в. Керемет представлял собой один из главных символов удмуртского язычества, с которым было связано множество запретов и предписаний. Поэтому не удивительно, что противники язычества стремились лишить это место сакральности, осквернив его или срубив растущие там деревья. По свидетельству В. Н. Налимова, «В этом году [т.е. в 1926 г. – Р. С.] случилось оскорбление святыни. Некоторые вещи выбросили, со священных деревьев содрали кору». Далее ученый отмечает, что «Население было крайне раздражено, но виновников не удалось найти. По мере сил святыня была восстановлена. Содранную кору собрали, приложили к дереву и привязали лыком» [15. S. 213]. Это показывает, что святилище безукоснительно почиталось даже в первые годы советской власти.

В кон. XIX в. языческими верованиями и обрядами была пронизана вся жизнь местных удмуртов, проводилось множество семейных, родовых, общинных и межобщинных молений-жертвоприношений. По словам Н. И. Тезякова, «Громадным авторитетом у вотяков-язычников пользуются жрецы, которые фанатически оберегают свои языческие верования» [6. С. 6]. Но в то же время необходимо отметить, что на верования и обрядность удмуртов сильно влияли ислам и православное христианство. Большегондырские удмурты, находясь на пересечении трех религиозных традиций, включали в свои религиозные практики элементы всех этих культур [7. Р. 398].

Мусульмане. Удмурты-язычники считали, что «Каждый народ должен беречь свою веру, если не желает прогневить всемогущего Творца» [6. С. 22]; несмотря на такие убеждения, некоторые из них в кон. XIX в. перешли в ислам, который в понимании язычников воспринимался религией башкирского / татарского народа* – *башкырт / бигер вось*. Исламизация местных удмуртов в кон. XIX – нач. XX вв. шла в общем русле этого процесса у крещеных и языческих «инородческих» народов Поволжья и Приуралья (чувашей, крещеных татар, марийцев и удмуртов) [16. С. 113–114].

* Не рассматривая подробности этнической принадлежности местного тюркского населения, отметим, что все закамские удмурты своих тюркоязычных соседей называют *башкырт*, то есть башкирами.

По мнению С. Рыбакова, «вотяки, хотя чуждые фанатизма, обнаруживают явную склонность к магометанству», которое проповедуют среди них «татарские муллы». Поскольку селение Большой Гондырь было важно в торговом отношении, то там появились торговцы татары («А где торговля, там обыкновенно оказываются в Восточной России и татары»), которые стали активно вовлекать удмуртов в ислам [4. С. 2]. По сведениям Н. И. Тезякова, «Магометанские миссионеры в лице мулл, хорошо владеющих вотякским языком^{*}, находят благоприятную почву для своей пропаганды во многих общих бытовых условиях жизни вотяков и башкир» [6. С. 5].

Сами удмурты, желавшие официального перехода в другую религию, в прошениях отмечали, что «Сознавая крайнее заблуждение своих предков, мы, по личному своему убеждению, и чистой совести... желаем быть коренными магометанами» [7. Р. 401]. Отделяя себя от соплеменников-язычников, новые мусульмане с неопитским пылом стали считать себя башкирами, разговаривать на их языке, а для своих умерших завели новое кладбище, которое удмурты называли «башкирским» – *башкырт шай*. Как видно из приведенных в начале статьи архивных документов, удмурты были в экономическом плане зависимы от башкир, и поэтому этносоциальный термин «башкир» означал для них более привилегированный статус. Возможно, как считает П. Верт, стремление стать «башкирами», было одной из причин принятия ислама [7. Р. 414]. Удмурты-язычники относились к своим односельчанам – бывшим соплеменникам с некоторой долей осуждения и говорили, что раз они в основном занимались торговлей и были богатыми, то «продав веру, вышли в башкиры» (*Диньзэс вузаса потйллям башкыртэ*) [12. Л. 113].

По утверждению Н. И. Тезякова, «в магометанство переходят более состоятельные и влиятельные вотяки, увлекая за собою и бедняков, как людей менее самостоятельных» [6. С. 5]. Так как ислам принимали в основном зажиточные, то можно предположить, что богатство и благосостояние этих людей воспринимались остальными как следствие их перехода в мусульманство, что также служило дополнительным стимулом для перемены религии. В то же время самим неопитам (*иман китергэн бэндэ*) из числа деревенских богачей принятие ислама было выгодным шагом, так как это облегчало ведение торговых дел с единоверцами-мусульманами, которые составляли к тому времени основную часть торговцев. Кроме того, сохранились свидетельства, что мусульмане оказывали финансовую или коммерческую поддержку неопитам [12. Л. 109].

Относительно легкому распространению среди удмуртов ислама способствовало и то, что они были близки к башкирам / татарам во многих бытовых отношениях и знали их язык вследствие длительного совместного проживания. В кон. XIX – нач. XX вв. в среде язычников под влиянием идеологических систем мировых религий назрел кризис традиционного мировоззрения [16. С. 113–114], на что, в частности, указывает С. Рыбаков: «среди первобытных диких племен этого края, погрязших в язычестве, началось брожение, выработка новых форм

^{*} Скорее всего, наоборот, удмурты сами хорошо владели татарским языком. Это подтверждает С. Рыбаков: «Благо, что вотяки знают татарский язык: русский не знают, а татарский знают» [4. С. 3].

жизни под двоякими влияниями, русским и татарским» [4. С. 2]. Вследствие этого языческие верования и обряды стали восприниматься некоторыми их последователями как заблуждения. Это приводило к осознанию того, что необходимо принять религию (*дин*), так как следование язычеству воспринималось именно как отсутствие религии*. Они имели возможность принять православие, насаждаемое и поддерживаемое государством, или ислам, проповедуемый башкирскими / татарскими миссионерами. Большее число сомневающихся, как показывает история, сделали выбор в пользу ислама.

Первые признаки начавшейся исламизации документально оформились в 1876 г. Тогда в апреле некоторые жители Большого Гондыря (из тептярей башкиры Альмухамед Шамсутдинов, Габдулганий Габдрахманов, Ярмий Семенов, Абубакир Абдрахимов, Фейруша Байсакин), Верхнего Гондыря (из тептярей башкиры Гильмутдин Ислекаев, Вахит Латыпов, Хусаин Баширов, Абдулла Фаткуллин, Фейруз Кильдияров, Исламгалий Мартимин, Сейфитдин Имамов) и Малого Гондыря (из тептярей башкир Хайбулла Зейнашев) подали муфтию С. Ш. Тевкелеву прошение, в котором отметили, что «Имам Осинского уезда д. Аксеитовой Ахтарий Ахмадиев совершая у нас, у родственников наших и у других лиц одной с нами деревни исповедующих магометанскую религию требы, не вносит оныя в метрики. Вследствие чего мы и все другие затрудняются при справках, в особенности при настоящей всесословной воинской повинности, о рождении детей наших, при совершении браков и других треб. А потому мы просим Ваше Высочество по представленной Вам власти сделать распоряжение чтобы означенный мулла их, как принадлежащим его приходу, исполняемые требы вносил в приходские метрические книги, и о последующем нам объявить» [17. Л. 1, 2, 3]. Таким образом, жители этих селений, уже исповедующие мусульманскую религию, просили оренбургского муфтия о внесении их в метрические книги прихода. В ответ на прошение, Оренбургское Магометанское Духовное собрание определило, что, если проживающие в языческих селениях просители «действительно есть мусульмане», то причислить их к приходу какой-либо мечети по их желанию и вносить требы в метрические книги [17. Л. 8–9]. Но, так как они на самом деле официально не являлись мусульманами, то их дело решалось в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий при МВД [7. Р. 96–97]. Вопрос был положительно решен в 1881 г.: «Государь Император, в 5 день июня, Высочайше повелеть соизволил: разрешить язычникам из башкир деревень Большого и Малого Гондыря Осинского уезда, исповедующим магометанскую религию в виде особого изъятия в сем случае причислиться

* К такому умозаключению приходили обычно, как показывают источники, зажиточные люди, находившие в переходе в ислам свои выгоды; лица, проучившиеся в «иностранческих» учебных заведениях, например, учителя, принимавшие православие с целью продолжения обучения; преступники, становившиеся православными с целью избежать наказания; крестьяне, занимавшиеся отхожими промыслами и бывшие солдаты. Последних, из-за пренебрежительного отношения к религиозной обрядности, иногда даже не допускали до участия на молениях. Некоторые меняли веру по обетам, например, тяжелобольные после выздоровления, участники войн в случае благополучного возвращения домой, а также женщины в результате выхода замуж за иноверцев.

к избранным им магометанским приходам». К документу было приписано, что «изъятие, сделанное для нескольких лиц, уже фактически бывших магометанами, не может служить на будущее время предпрещением общего вопроса о переходе в магометанскую веру и ввиду сего, при объявлении означенного Высочайшего повеления, должна быть избегаема всякая излишняя огласка» [17. Л. 12]. В июле 1881 г. по определению Духовного собрания все просители были причислены к приходу мечети д. Аксаитовой* Осинского уезда Пермской губернии [17. Л. 18]. По сведениям Н. И. Тезякова, в начале 1890-х гг. в Больше-Гондырской волости перешедших в ислам удмуртов официально насчитывалось 359 человек (43 семейства), из которых 26 семей уже давно перешли в ислам, остальные 17 семей получили на это Высочайшее повеление в 1881 г. [6. С. 6]. В дальнейшем прошения об официальном причислении в ислам в Департамент были поданы в 1883, 1887, 1888 и 1890 гг., но они остались без положительного решения [7. Р. 401].

Таким образом, в Большом Гондыре и окрестных поселениях сложилась довольно многочисленная община официально перешедших в ислам жителей, к которым примыкала группа исповедующих ислам, но формально числящихся язычниками, удмуртов. Ревнителями мусульманской религии в Большом Гондыре являлись Хазиахмат Зайнагабдинов, Гайнетдин и Айнакай Шамсутдиновы. Они были родственниками и пользовались большим влиянием в волости. Гайнетдин Шамсутдинов «открыл в своем доме мусульманскую молельню с особым муллою». В Верхнем Гондыре «уклонившийся в магометанство вотяк» Абдулла Фаткуллин открыл магометанскую школу. Но вскоре молитвенный дом и школа по настоянию православных миссионеров были закрыты [4. С. 5].

Активные действия последних, которые, в свою очередь, были направлены против исламизации удмуртов, и строительство церкви в Большом Гондыре, вызвали бурное противодействие местных мусульман. По данным С. Рыбакова, в 1897 г. «вновь 16 вотских семейств перешли в магометанство» [4. С. 6]. Решение было получено из Департамента духовных дел иностранных исповеданий [7. Р. 411]. В 1898 г. также решался вопрос о принятии ислама жителями селения** [18].

Мусульманская община Большого Гондыря подняла вопрос о строительстве в селении мечети. В апреле 1896 г. мусульмане подали всеподданнейшее прошение «на Высочайшее имя» с ходатайством о постройке мечети [19. Л. 4]. В отношении Департамента по этому вопросу было отмечено, что по действующим правилам, просителям необходимо составить новый приговор общества, который должен образовать новый приход, для подачи в Оренбургское

* Ныне с. Аксаитово Татышлинского р-на Республики Башкортостан.

** «Ахун Осинского уезда Мунасыпов рапортом от 18 ноября 1898 г. за № 16 доносит, что жена того же уезда Больше Гандуровской волости дер. Больше Гандуровой Шамсинура (жена Зейнуллы) заявила ему, ахуну, что она уже 10 лет по собственному убеждению приняла ислам и по настоящее время с двумя дочерьми исповедует мусульманскую религию, почему просит, его, ахуна, чтобы ее как мусульманку после смерти не хоронили на кладбище неверующих в ислам. Ахун же, Мунасыпов, просит по этому делу сделать ему распоряжение присовокупляя, что и ранее сего из той же волости трое заявляли ему желание принять мусульманскую религию, но он, ахун, без ведома высшего начальства никакого заключения дать не мог» [18].

Магометанское Духовное собрание вместе с отзывом духовенства о необходимости постройки новой мечети и с обозначением, что «для прихода новой мечети имеется требуемое... число прихожан, т.е. не менее 200 муж. пола душ, и чтобы в приговоре было выражено обязательство прихожан доставлять средства для содержания мечети и нужного для ней духовенства, и было положительно выяснено не проживает ли вместе с магометанами, желающими построить мечеть христиане и новокрещенные татары и не может ли от построения мечети произойти для них соблазна в вере, при чем должен быть приложен план и фасад предложенной к постройке мечети» [19. Л. 3]. В селении не набиралось достаточного числа мусульман (не менее 200 душ м. п.), поэтому было решено, что к новому приходу припишется часть жителей д. Аксаитово. В итоге при поддержке муллы 118 аксаитовцев изъявили желание приписаться к новому приходу. На сельском сходе мусульманские активисты добились положительного приговора о выделении денег из мирского капитала на строительство мечети [4. С. 7–8]. Указной мулла А. Ахмадиев 9 ноября 1896 г. представил в Духовное собрание заявление с ходатайством о постройке новой мечети [19. Л. 1]*. 26 апреля 1897 г. данное прошение положительно решено Духовным собранием: «препятствий к удовлетворению ходатайства просителей... не встречается» [19. Л. 10]. 5 августа 1897 г. постройка мечети была разрешена Пермским губернским правлением [19. Л. 11]. В прошении от 18 апреля 1898 г. в Духовное собрание Айнакай Шамсутдинов сообщает, что сооружение мечети уже окончено, но ее не могут пока открыть, так как против этого местный благочинный Михаил Тултаков, который считает, что «постройка мечети в д. Большом Гондыре может служить соблазном для живущих в этой деревне и ближайших селениях христиан и язычников» [19. Л. 20]. Но так как новых препятствий к открытию новой мечети не оказалось, то строители объявили, что «К 1-му числу июня месяца сего года разрешенная в нашей деревне Большом Гондыре деревянная соборная мечеть построена нами окончательно и с того времени в ней можно совершать богослужения» [19. Л. 22а]. К мечети муэдзином был избран Хатмулла Сахаутдинов, имевший звание мугаллим сабияна**, а должность имама временно исполнял аксаитовский мулла А. Ахмадиев [19. Л. 23].

Первоначально мечеть планировали построить в центре села. Но противники этого осквернили выбранное место (По деревенским преданиям – повесили дохлую кошку на растущее там дерево), и мечеть выстроили в конце верхней улицы, то есть в противоположной от церкви части поселения [20. Л. 5]. Также в Большом Гондыре была открыта «магометанская школа», которую содержал Абдулла Фаткуллин.

* В нем было отмечено, что «мечеть в деревне Большом Гондыре необходима по той причине как от нас она находится в 20 верстах, как при весенней и осенней пути требы исполнять трудно и жителям богу молится негде. Как вновь образовавшийся приход и 223 душ мужеского пола и оставшихся прихожан у Аксаитовской мечети 338 душ мужского пола, как тот, так равно и другой приходы вполне могут исполнять как для мечетей так и для духовенства что будет нужно. На утверждение новой мечети и ухода прихода с моей стороны препятствий нет» [9. Л. 1].

** То есть имел звание учителя малолетних детей.

В дальнейшем процесс исламизации продолжался. Так, например, в 1911 г. несколько жителей Большого Гондыря подали прошение в Духовное собрание с просьбой об исключении «из языческих метрических списков» и причислении в «магометанство к соборной мечети деревни Большого Гондыря» [21].

Православные христиане. Как следует из преданий об основании поселений закамских удмуртов, они объясняли переселение своих предков стремлением избежать крещения. Удмурты-язычники имели предубежденное отношение к принятию православия. В некоторых случаях они даже просили гарантий у государства, что их не заставят принять православие: «Депутация от вотяков явилась к местному мировому судье и просила его о выдаче им удостоверения в том, что они никогда не будут насильно крещены... Такая же депутация была посылаема и к губернатору» [6. С. 7]. Скорее всего, подобное отношение к государственной религии было обусловлено социальным протестом, когда православие воспринималось в качестве религии правящих верхов, а навязываемое ими крещение как один из способов обложения крестьян новыми повинностями и поборами (платы за таинства и обряды, церковная руга, штрафы за неисполнение церковных предписаний и т.д.). К тому же русские – основные носители православия* – никак не стремились вовлечь их в свою религию: «Трудолюбие и честность замкнутого в себе вотяка язычника мало ценятся, «собака», «поганый» – вот обычные эпитеты для вотяка на языке русских соседей» [6. С. 4].

В 1872 г. в Перми был открыт Пермский епархиальный комитет Православного миссионерского общества [3. С. 206]. Миссионеры считали, что удмурты «склонны к магометанству, которое свило себе прочное гнездо среди вотяков и увлекает их в ислам». Заметив подобный процесс в Большом Гондыре, «архипастыри Пермские, как председатели отделения миссионерского общества, начиная с Преосвященнейшего архиепископа Антония, все обязательно посещали это селение», которое стало «предметом особых забот» комитета [3. С. 208]. В конце 1872 г. в Большом Гондыре открывается миссионерская школа [3. С. 208]. Как отмечает С. Рыбаков, эта школа «под наблюдением и руководством Аряжского священника... Василия Корепанова» «сумела привлечь в свои стены немало вотяков, распространяя среди них не только начальное образование, но и свет христианской веры, и успела удержать вотяков от перехода в магометанство» [4. С. 3]. Но все же, как пишет Н. И. Тезяков, «Обращенных в христианство среди вотяков Больше-Гондырской волости пока насчитывается всего 20 душ обоего пола, да и это все жалкий народ, большею частию нищие» [6. С. 5]. Вскоре в Пермском миссионерском комитете поднимается вопрос о постройке в Большом Гондыре церкви. Было решено перевезти сюда из с. Аряж** старую деревянную церковь, и в 1880 г. был учрежден строительный комитет во главе с землевладельцем П. Д. Дягилевым. Но «жители деревни Большой Гондырь, не столько под влиянием религиозной нетерпимости, сколько под влиянием соседнего татарского населения не согласились отвести место под постройку храма» [3. С. 209]. В 1884 г. деревню посетил епископ Пермский Ефрем и «сам

* В представлении закамских удмуртов православие – это «русская вера» (*жуч вёсь*).

** Ныне с. Аряж Куединского р-на Пермского края.

лично убеждал жителей дать землю под церковь и под постройку школы, которая помещается в наемной квартире, но все его убеждения не имели успеха» [3. С. 209]. В 1889 г. был открыт временный молитвенный дом. Но Миссионерский комитет не оставлял вопроса об открытии церкви*. В 1890 и 1892 гг. были поданы ходатайства об отчуждении земли под церковь, но нежелание гондырских удмуртов выделить землю для постройки церкви оставалось в силе: «вотяки язычники этому противодействуют насколько могут» [14. С. 9]. И только после посещения Большого Гондыря пермским епископом Петром в июне 1895 г. и «сказанной им любвеобильной речи с обличением язычества и магометанства» [4. С. 4] «вотяки двух деревень Большого и Малого Гондыря отвели в дар, на вечное время, Пермскому епархиальному комитету православного миссионерского общества три десятины земли, каждая деревня по полторы десятины, для возведения на этой земле построек, какие признает нужными комитет, т. е. церкви, домов для причта и училища, и для огорода при училище» [3. С. 211]. Средства на постройку церкви были пожертвованы сарапульским купцом первой гильдии Стефаном Никоновичем Дедюхиным. Храм был заложен 15 мая 1896 г., и к ноябрю был уже готов. По словам С. Рыбакова, «красивый иконостас хорошей работы с резьбою вызолоченною на полименте, на колокольне полный звон из 5 колоколов, вместимость церкви 400–500 человек – все это, вместе взятое производит сильное, хорошее впечатление» [4. С. 4]. Рядом с церковью были также построены дома для причта и школьное здание. Церковь была освящена 16 февраля 1897 г. епископом Петром «в честь первоверховных апостолов Петра и Павла и преподобного Стефана Савваита» [3. С. 205].

Несмотря на постройку церкви, пермские миссионеры не смогли привлечь удмуртов Осинского уезда к православной вере. По данным 1914 г. число православных удмуртов сократилось до 15 человек [22. С. 16]. Главными прихожанами церкви являлись русские купцы, чиновники и батраки, которые осели в селе.

После открытия мечети и медресе, число учеников в миссионерской школе стало заметно убывать, и «даже не было возможности вести правильное обучение, почему учитель г. Шкляев принужден был удалиться». Положение священника

* Открытие молитвенного дома и планы по строительству церкви вызвали сильное сопротивление мусульманского населения, вплоть до стычек: «На пасхальной неделе 1891 г. муллы неоднократно приезжали в Большой Гондырь и совершали свои моления в домах уклонившихся в магометанство вотяков и, не позволяя православным звонить в имевшиеся при молитвенном доме колокола, бросали камнями в тех, кто решался звонить. Молитвенный дом и школу магометане решили окончательно лишить помещения и не давать никакой квартиры во всей деревне. С этой целью они угрозами и заманчивыми предложениями склонили хозяина дома, бывшего учителя, продать этот дом в их собственность и не пожалели заплатить за дом 900 руб., тогда как он стоил не более 300 руб. Положение школы было невозможное: никто не отдавал помещения, школьные принадлежности и обстановка очутились почти на улице под открытым небом.

Но неожиданная помощь спасла русское дело. Проживавший в Большом Гондыре крестьянин Николай Соловьев на своей усадьбе предоставил срубы и землю для школы и молитвенного дома. Священник В. Корепанов занялся постройкой зданий, пожертвовав на это дело из своих средств 200 руб. Татары не могли уже противодействовать» [4. С. 3–4].

о. Асафова в Большом Гондыре также ухудшилось: «теперь есть опасения за сохранность церкви и дома, в котором он квартирует и которые находятся в открытом месте между Верхним и Нижним Гондырем» [4. С. 8].

Усиление православного миссионерства, по нашему мнению, во многом способствовало исламизации удмуртов. Многие сочувствовавшие исламу язычники, видя активность миссионеров, стали искать возможности официального оформления своей фактической конфессиональной принадлежности. Также, по мнению П. Верта, удмуртов-язычников от принятия православия отворачивала «необратимость крещения», то есть невозможность в дальнейшем перехода в другую религию, даже для их потомков [7. Р. 406]. Дальнейший процесс исламизации был остановлен атеистической политикой советского государства.

Бурные события кон. XIX в. оставили яркий след в этноконфессиональной структуре населения и этнокультурном ландшафте Большого Гондыря. В настоящее время основная часть жителей села* считает себя удмуртами, сохраняя в сознании языческие верования и соблюдая многие обряды семейно-бытового характера. Общественные жертвоприношения в советские годы под давлением властей были приостановлены. Керемет и другие объекты традиционной религии, хотя в них и не проводят моления, сохраняют свой сакральный статус. К этим местам относятся с почтением и уважением. Умерших хоронят на «удмуртском» кладбище. В селе действует Национальный центр удмуртов Пермского края, призванный развивать удмуртскую культуру. В 2011 г. в ноябре возрождено проведение *тол вӧсь* (зимнее моление), куда собираются участники из всех деревень куединских удмуртов. Потомки принявших в прошлом ислам удмуртов, ныне считают себя татарами, хотя осознают свое происхождение от удмуртов. Мечеть была закрыта и разобрана в 1930-е гг. Ныне мусульмане села посещают мечети соседних татарских деревень. Функционирует мусульманское («башкирское») кладбище. Потомков православного населения практически не осталось. Церковь также была разобрана. Православное кладбище заброшено [24]. При всем этом следует отметить, что в последнее время среди куединских удмуртов, вследствие новой миссионерской волны, отмечается определенный интерес к православию; имеются также последователи протестантизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К судьбам вотяков // Краины России. Политическая, общественная и литературная газета (СПб). 1912, 21–28 июль. № 29–30.
2. Попов Е. Об усердии к миссионерскому делу. Пермь, 1874. 13 с.
3. О-в П. Г. Освящение храма в Большом Гондыре – вотяцкой деревне Осинского уезда // Пермские епархиальные ведомости. 1897. № 6. С. 205–219.
4. Рыбаков С. Русское просвещение и магометанская пропаганда в Б. Гондыре (Осинского уезда, Пермской губернии). СПб., 1900. 8 с.

* По данным Администрации Большегондырского сельского поселения Куединского р-на Пермского края на 2010 г., в с. Большой Гондырь насчитывалось 406 хозяйств, в которых проживало 1220 чел., в д. Малый Гондырь – 76 хозяйств и 257 чел., в д. Верхний Гондырь – 75 хозяйств и 257 чел. [23].

5. Рыбаков С. Церковь и мечеть в селе Большом Гондыре Осинского уезда Пермской губернии // Православный благовестник. 1900. № 20. С. 165–178.

6. Тезяков Н. Вотяки Больше-Гондырской волости. Медико-статистический и антропологический очерк. Чернигов, 1892. 87 с.

7. Werth W. Paul. Tsarist Categories, Orthodox Intervention, and Islamic Conversion in a Pagan Udmurt Village, 1870s – 1890s // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Vol. 2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations. Berlin, 1998. P. 385–415.

8. Давлетбаев Б. С. Тептяри и их землепользование // Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа, 1986. С. 78–158.

9. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 177. Оп. 1. Д. 1944. Дело о спорной земле между крестьянами Осинского уезда и башкирами Уранской волости Бирской округи Уфимского наместничества. 1839 г.

10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3790. Книги переписные ясачных крестьян и бобылей Осинской, Казанской, Ногайской и Сибирской дорог Уфимского уезда. 1722–1723 гг.

11. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3791. Книга переписная купцов, цеховых и дворовых г. Уфы; дворцовых, помещичьих, монастырских, ясачных крестьян, тептярей и бобылей Осинской и Сибирской дорог Уфимского уезда. 1748 г.

12. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (НОА УИИЯЛ). Рукописный фонд. Оп. 2-Н. Д. 437. Егоров Е. К. Дневник этнографической экспедиции института в Кировскую и Пермскую области. 1971 г.

13. Черных А. В. Святители куединских удмуртов в конце XIX–XX в. // Культурные памятники Камско-Вятского региона. Материалы и исследования. Ижевск, 2008. С. 101–118.

14. Тезяков Н. Праздники и жертвоприношения у вотяков-язычников (Из записной книжки земского врача) // Новое слово. 1896. № 4. С. 1–10.

15. Suomalais-Ugrilainen Seuran tutkimusarkisto (Научный архив Финно-угорского общества, г. Хельсинки). Kotelo 547. Nalimov V. Permiläisaineisto. 1996.

16. Ягафова Е. А., Данилко Е. С., Корнищина Г. А., Молотова Т. Л., Садилов Р. Р. Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья. Самара. 2010. 264 с.

17. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. И-295. Оп. 3. Д. 9106. Дело по жалобе башкир Шамсутдинова и др. из д. Больших Гондыр Осинского у. Пермской губ на невнесение в метрики исполненных треб муллой Ахмадиевым из д. Аксаитовой. 1876 г.

18. ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 495. Дело о насильственном обращении мусульман в христианство, о переходе из православной религии в магометанство и наоборот. 1886–1912 гг. Без пагинации.

19. ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 14618. Дело по заявлению муллы Осинского уезда Аксаитовской мечети Ахтария Ахмадиева о постройке мечети в дер. Большом Гондыре. 1896–1897 гг.

20. Никитин В. К. История села Большой Гондырь Куединского района Пермской области. Рукопись. 1987 г. 25 л. / Большегондырский сельский краеведческий музей.

21. ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2661. Дело по ходатайствам язычников о переходе их в мусульманскую религию. 1911–1914 гг. Без пагинации.

22. Черных А. В. Буйские удмурты. Этнографический очерк. Пермь, 1995. 52 с.

23. Текущий архив Администрации Большегондырского сельского поселения Куединского района Пермского края. 2010 г.

24. Полевые материалы автора, 2010 г. Куединский район Пермского края, д. Малый Гондырь. Фартиева Сетым (Сеткай) Фартиевна, 1922 г.р.; Шайхисламова Кадика Гафутдиновна, 1926 г.р.

Поступила в редакцию 27.04.2016

R. R. Sadikov

**At the Intersection of Three Religions: Keremet, Mosque
and Church in the Ethno-Confessional Space of an Udmurt Settlement**

The research is based on the archive and published sources and examines the confessional history of inhabitants in the village of Bolshoy Gondyr of the Kuedinskiy district, Perm Krai. This village is an administrative, cultural and religious centre for the Udmurts of the Trans-Kama River area; it was founded and settled by the Udmurts in the second half of the 17th century. First inhabitants were pagans; their most venerated shrine was a sacred grove named as Keremet. At the end of the 19th century and at the beginning of the 20th century, some inhabitants, mostly well-to-do peasants, converted to Islam. Islamization of the Udmurts evoked responses from Perm orthodox missionaries, who established a church in this village. Furthermore, those acts reinforced the process of Islamization, and as a result, a mosque was built up and a number of Udmurts even being Muslims officially became Islamized and began to consider themselves as Bashkirs. Confessional resistance in the region was reflected vividly in the archive documents and press reports of that time.

Keywords: Udmurts, paganism, Islam, Orthodoxy, keremet, mosque, church, Perm governorate.

Садиков Ранус Рафикович,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева

Уфимский научный центр РАН
450077, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6
E-mail: kissapi@mail.ru

Sadikov Ranus Raficovich,

Doctor of Sciences (History), Leading Research Fellow,
Institute of Ethnological Studies named after R. G. Kuzeev
Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
450077, Russia, Ufa, K. Marks St., 6
E-mail: kissapi@mail.ru